

III.

Въ 1805 году назначенъ былъ походъ въ Австрію для общаго дѣйствія противъ Французовъ и скоро получено повелѣніе о выступленіи полка. Нужно было получить квитанцію изъ Волчина: а это иначе невозможно было сдѣлать какъ уплативъ всѣ генеральскіе и офицерскіе долги Жидамъ. Наличныхъ денегъ не было въ полку. Шефъ приказалъ всѣ вещи собраныя мною въ экономіи, какъ-то: салоги, сукна, холстъ и всю его мебель, обратить на уплату за его долгъ. А офицеры завалили мою квартиру походными погребцами, перебитыми чайниками, жестяною передоманкою посудой, перинами и прочими старыми вещами, чтобы всѣмъ этимъ расплатиться съ долгами. Явились кредиторы съ разнокалибровыми цыбулками и я сталъ ихъ удовлетворять. Но они требовали денегъ хоть четвертую часть; я сказалъ что нѣтъ денегъ и они по необходимости взяли вещи. Но не довѣряя мнѣ хотѣли просить шефа и для этого пріѣхали въ Брестъ-Литовскій, но я предупредилъ его и онъ уѣхалъ за границу прежде чѣмъ они успѣли просить его. Итакъ кредиторы видя что взять нечего было, выдали квитанцію и усердно желали, даже со слезами, чтобы мы живы и здоровы къ нимъ опять пришли, лягая себѣ надеждой что съ живаго можно еще что-нибудь сорвать, а съ убитаго взять нечего.

Итакъ 7-й Егерскій полкъ выступилъ въ походъ изъ Бреста-Литовскаго чрезъ городъ Валую и въ мѣстечкѣ Пулавѣ перешелъ черезъ Вислу по мосту на устроенныхъ плотахъ. Вступили и въ австрійскія владѣнія; прошедши городъ Тропау и отрасль Карпатскихъ горъ, остановились въ окрестностяхъ небольшаго городка Штернберга. На переходѣ отъ Тропау до Штернберга имѣется возлѣ самой дороги колодезь съ минеральною водой. Ова такъ кисла и холодна что у меня кольнуло въ зубъ первый разъ въ моей жизни, когда я сталъ ее пить. Здѣсь велѣно оставить всѣ тяжести полковые, а полкамъ слѣдоватъ палегкѣ къ крѣпости Ольмюцъ. Я просилъ шефа со слезами позволить мнѣ быть во фронтѣ, но онъ не согласился, обѣщаю не забыть меня. Итакъ остался я съ полковымъ обозомъ.

Полкъ въ сраженіи при Аустерлицѣ былъ разбитъ. Шефъ и многие офицеры взяты въ пленъ. Оставшимся полковымъ обозамъ приказано было сначала всѣхъ людей вооружить саблями, пиками, ружьями, то-есть тѣмъ оружіемъ какое только найти было возможно, и послѣдно слѣдоватъ обратно въ Россію. Обозы, пройдя Тропау, Бѣлецъ, Ярославецъ, Львовъ, Броды, вступили въ россійскіе предѣлы и расположились въ окрестностяхъ города Дубно. Здѣсь нашелъ я остатки 3го баталіона нашего полка (они прибыли въ Россію прежде насъ), а моего брата Андрея нашелъ больного въ горячкѣ; у него прострѣлена была шинель въ нѣсколькоихъ мѣстахъ, но онъ не раненъ, и недѣли черезъ три выздоровѣлъ. Полкомъ командовалъ майоръ Дренянинъ, но въ скоромъ времени прибылъ полковой командиниръ полковника Толбузинъ и вступилъ въ командованіе. Онъ получилъ четыре раны штыкомъ. Войска наши, бывшія при Аустерлицѣ, отступили черезъ Венгрию. Не знаю какъ ихъ принимали Венгерцы, но мы бѣдные обезоруженные терпѣли отъ Поляковъ насмѣшка и ругательства.

Въ исходѣ марта 1806 года вступилъ 7-й Егерскій полкъ въ глубь Россіи, и въ Минской губерніи, въ городѣ Рѣчицѣ, расположился по квартирамъ.* Въ этотъ походъ я ознакомился съ трудностями переправы черезъ толкія болота и обходовъ по лѣсамъ. Здѣсь началь полкъ комплектовалася людьми. Я произведенъ въ штабс-капитаны и получиль командинирскую роту (въ это время составлялись уже роты изо 100 человѣкъ рядовыхъ и прибавлены пралорщики въ егерскихъ полкахъ). Я принялъ роту съ двумя только ружьями.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года полкъ выступилъ въ походъ къ городу Житомиру; тутъ окончательно уже вооруженъ полкъ, и я произведенъ въ капитаны.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ полкъ опять выступилъ въ походъ, и, пройдя мимо Бреста-Литовска, перешелъ прусскую границу въ селѣ Орѣшкахъ. Безпрерывные дожди испортили ужасно дороги, и походъ нашъ былъ весьма непріятенъ.

* Не доходя города Рѣчицы, въ темныхъ лѣсахъ протекаетъ небольшой ручей, имѣющій свойство приводить въ окаменѣлое состояніе древесныя щелчки, которыхъ тутъ было весьма много.

Но въ скромъ времени получено было извѣстіе что непріятель недалеко, и мы надѣялись опять повидаться со знакомыми друзьями Аустерлица. Однако же вслѣдъ за этимъ разнесся слухъ что наши имѣли дѣло съ Французами при Пултускѣ и принуждены были уступить превосходившемъ силамъ непріятеля. Мы повернули направо по берегу рѣки Наревы, и чрезъ нѣсколько дней вступили въ Старую Пруссию. Ночью неожиданно напали на французскій гусарскій полкъ, разбили его и на другой день слѣдовали въ мѣстечко Морунга; но при Морунгѣ набѣжали на корпусъ маршала Бернадота. Предъ вечеромъ завязалось сраженіе, и наши войска должны были отступить. 7му Егерскому полку поручено было имѣть наблюденіе на правомъ флангѣ въ лѣсу. Къ намъ летали ядра и ломали вершины елей. Пѣхота непріятельской пробовала войти въ лѣсъ, но мы ее прогоняли пулями. Тутъ въ первый разъ понюхалъ я славнаго дыму, послушалъ пѣни пуль, визгъ ядеръ и говоръ артиллеріи. Въ это время командовалъ авангардомъ генераль Марковъ.

Мы отступили къ Лейбнитцу, и здѣсь простояли сутки въ полѣ на снѣгу. Когда же прибылъ для командованія авангардомъ князь Багратіонъ, солдаты и все мы обратились: этотъ генералъ стяжалъ уже себѣ славу при отступлении отъ Кульма къ Аустерлицу. На третій день двинулись опять къ Морунгу, но Французы уже ушли. На полѣ валялись замерзшіе трупы. Здѣсь былъ убитъ генераль Аверпъ. Переочевавъ, мы расположились было на другой день лечь хлѣбы, но вдругъ получено приказаніе о выступлении послѣдно въ походѣ. Мы шли во всю ночь не останавливаясь. Поутру прибыли въ мѣстечко Іонково, где уже въ правой сторонѣ происходило сраженіе. Но какъ полкъ нашъ не имѣлъ хлѣба, то позволено въ ближней деревнѣ расположиться и испечь хлѣбы. Въ полночь приказано полку выступить изъ деревни и слѣдовать на лѣвый флангъ нашей арміи. Мы прибыли на назначенное мѣсто еще до разсвѣта и остановились; предъ нами была рѣчка и черезъ нее плотина съ водяною мельницей.

Баталіонъ Углицкаго мушкетерскаго полка съ двумя орудіями сталъ на возвышенности противу плотины; позади сего баталіона былъ сосновый лѣсъ, впереди возлѣ самой

плотины расположились роты: 5я, 6я и 8я втораго баталіона 7го Егерскаго полка, а мнѣ съ 7ю егерскою ротой вѣтвью занять лѣсъ правѣ, въ разстояніи отъ сего мѣста не болѣе версты, при болотѣ. Позади и правѣ этого лѣса поставленъ былъ 1й баталіонъ нашего полка на открытомъ мѣстѣ. Позади этого баталіона былъ лѣсъ, простиравшійся до баталіона Углицкаго полка. Отъ водяной мельницы пролегала дорога мимо первого баталіона къ главнымъ силамъ нашихъ войскъ; а за дорогой противъ первого баталіона—болото съ лозовыми кустами. Къ этому болоту примыкалъ лѣсъ, который также отдѣлялся болотомъ отъ непріятельской стороны. Въ этомъ лѣсу расположенье былъ 3й баталіонъ нашего полка подъ командой капитана Кавецкаго. Отъ сего баталіона выставлена была цѣль по краю лѣса и надъ болотомъ, начинавшаяся отъ первого баталіона нашего полка, который былъ расположенъ правѣ нашего 3го баталіона. Днемъ 1й баталіонъ нашего полка составилъ ружья въ козлы, развелъ огни и отдыхалъ себѣ покойно на мягкому снѣгу, который прошедшую ночь выпалъ.

Съ восходомъ солнца явились на высотахъ противу моего лѣса кавалерійскіе непріятельскіе разыѣзы; но егеря мои прогнали ихъ ружейнымъ огнемъ. Въ полдень появилось нѣсколько орудій непріятельской артиллериі, которая слѣдала нѣсколько выстрѣловъ чрезъ мой лѣсъ къ 1му баталіону (ибо лѣсъ мой находился въ лощинѣ) и оять уѣхали. Въ главной же арміи гремѣла канонада съ промежутками въ продолженіи цѣлаго дня.

Вечеромъ въ сумерки уже сдѣлался крѣпкій морозъ. Полковой нашъ командиръ, будучи навеселъ, проѣзжая по дорогѣ позади моего лѣса, спросилъ у егерей моей роты: "что холода ребята?" и получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ развести въ цѣли огни; когда же я доложилъ ему что въ передней цѣли разводить огней не можно, то онъ съ гневомъ закричалъ на меня: "Я тебѣ приказываю сейчасъ развести огни, какъ ты смѣешь спорить; я тебя арестую". Послѣ сего я приказалъ развести огни. Когда освѣтило огнями край лѣса, я пошелъ по цѣли и пришедшіи къ болоту спросилъ не замѣтили ли что за болотомъ. "Непріятельская колонна идетъ прямо на насъ", сказали мнѣ егеря. Я закричалъ чтобы заталтывали огни, и сокнувъ ближайшія

пары на это мѣсто, приказалъ стрѣлять по колоннѣ; послѣ сего она приняла вправо и скрылась за возвышенное мѣсто. Оставивъ здѣсь людей, я побѣжалъ по цѣли направо и также спросилъ егерей, не видятъ ли они чего-нибудь по болоту впереди, и получилъ отвѣтъ что Французы идутъ разсыпавшись кучками по болоту прямо къ намъ и къ первому баталіону. Я велѣлъ открыть пальбу. Непріятель же шелъ не открывая огня. Я подался нѣсколько шаговъ въ глубину лѣса и увидѣлъ что позади меня проходитъ густая цѣль, сталъ за деревомъ, спросилъ два раза: кто идетъ, и не получилъ отвѣта. Въ это самое время открылся баталійный огонь по первому баталіону. Я видя себя отрѣзаннымъ непріятельскою цѣлью отъ первого баталіона закричалъ егерямъ: „егеря, назадъ“, а Французы кричали: „тире, тире, тире“. Я прибѣжалъ на край лѣса, сталъ за деревомъ и ожидалъ тутъ, пока всѣ мои люди выбѣжали изъ лѣсу, тогда и я побѣжалъ за ними вслѣдъ. Я изъ моей роты не потерялъ здѣсь ни одного человѣка, потому что Французы стрѣляли во тьмѣ на удачу и болѣе обратились на первый баталіонъ.

Прибѣжалъ къ плотинѣ, увидѣлъ что баталійный нашъ командиръ приказалъ разбирать мостъ, и когда я сказалъ ему что непріятель уже на нашей сторонѣ, то онъ мнѣ не хотѣлъ вѣрить; но оборотясь назадъ увидѣлъ сильную ружейную пальбу на мѣстѣ гдѣ стоялъ лій баталіонъ, побѣжалъ къ баталіону Углицкаго полка и приказалъ стрѣлять. Полковой командиръ кричалъ тоже, но впереди наше непріятеля не было. Онъ находился уже въ лѣсу позади насъ. Я не предвидѣлъ другаго средства какъ только скорѣе начать отступленіе по той дорогѣ, по которой прошедшую ночь мы пришли сюда пока не захватилъ ея еще непріятель. Идти на подкрѣпленіе праваго баталіона было уже поздно и притомъ могъ непріятель охватить насъ со всѣхъ сторонъ. Я скомандовалъ своей ротѣ налево, пустился на прежнюю дорогу. Но Французы, разбивъ первый баталіонъ, пробрались лѣсомъ уже и на эту дорогу и встрѣтили нашъ баталіонъ огнемъ. Французы были въ лѣсу, возлѣ котораго пролегала дорога, а лѣвѣ наше было чистое поле, покрытое глубокимъ снѣгомъ. Мы бросились въ лѣсъ, отстали пер первую встрѣчу, но паткнулись на другую. Эта уже накесла намъ болѣе вреда, однако же и эту оттеснили отъ дороги,

и третья встрѣтила насъ сильнымъ огнемъ. Приходилось проложить себѣ дорогу штыками. Въ это время въ лѣсу разсѣялись люди по сторонамъ и потеряли дорогу. Со мною вмѣстѣ было пятнадцать человѣкъ рядовыхъ и одинъ унтеръ-офицеръ. Не зная въ какую сторону уклонялась дорога, я рѣшился идти на большое зарево, которое замѣтилъ съ вечера надъ нашей главною арміей. Вышедши изъ лѣсу на поле, пришелъ къ прусской артиллериі, спросилъ въ которой сторонѣ русское войско и пошелъ по указанію. Пришедши къ селенію гдѣ были расположены наши главныя силы, увидѣвъ здѣсь своего полковаго командира и баталіоннаго спросилъ у нихъ гдѣ полкъ. „Соберется“, отвѣчали они. Получивъ такой отвѣтъ, я расположился возлѣ нихъ и съ моими людьми. Къ свѣту собрался весь полкъ, коего численность не превышала 500 человѣкъ.

Армія начала отступленіе. 7му Егерскому полку приказано быть въ аріергардѣ, и онъ прикрывалъ отступленіе до самаго вечера. Я находился съ ротой позади полка. На мосту, въ деревнѣ, черезъ рѣку Алле, сдѣлавъ засаду за домами, встрѣтилъ Французовъ съ близкой дистанціи баталійнымъ огнемъ и заставилъ передовыхъ оставить мостъ съ потерей убитыхъ и раненыхъ; но за то и я при отступленіи лишился фельдфебеля, двоихъ унтеръ-офицеровъ и пяти рядовыхъ. За деревней стояла уже наша кавалерія, построившись въ три линіи; они смыкали одна другую и такъ отступали назадъ. Я пробрался между кавалеріей и примкнулъ къ полку, который въ сумерки расположился при деревнѣ на грудахъ замерзшей грязи.

Французы остановились въ трехъ верстахъ отъ насъ. Надъ ихъ арміей явился въ воздухѣ огненный столбъ, отдавлившийся совершенно отъ земли,—это было отраженіе огней разложенныхъ въ долинѣ. Это явленіе поразило солдатъ и они шептали про себя что это означаетъ несчастіе для насъ.

Въ полночь приказано продолжать отступленіе. Мы прошли деревню и остановились на тѣхъ мѣстахъ гдѣ стояли другіе полки. Тутъ соломы было много, всѣ прилегли и крѣлко уснули, потомъ опять двинулись и такимъ образомъ отступая прибыли къ Ландбергу. При закатѣ солнца раскинули цѣль на позиціи и расположились въ чистомъ лолѣ. Ночью приказано оставить эту позицію.

Отошедши назадъ нѣсколько верстъ, мы остановились въ полѣ, разсыпали цѣль, и тутъ пробыли до разсвѣта.

26го числа января съ разсвѣтомъ приблизился непріятель и закицѣла сильная перестрѣлка. Французы сильно налегли на насъ, и мы начали отступать. Дорога пролегала чрезъ лѣсъ. Здѣсь разлито было много бочекъ съ водкой и она стояла лужами на дорогѣ. Я предложилъ товарищу капитану Пилиленку сдѣлать въ чащѣ лѣса двумя ротами засаду, чтобы угостить Французовъ свинцомъ на закуску. Мы уже совсѣмъ было расположились, какъ прискакавшій казакъ закричалъ: „назадъ егеря, непріятель обошелъ уже лѣсъ.“ Мы послѣшили назадъ, но вышедъ изъ лѣсу смыкались съ лѣшими Французы и потѣшились на штыкахъ пока пробились. Наша артиллерія безъ разбору щедро осыпала насъ картечью, пока мы отѣлились отъ непріятелей съ нѣкоторою потерей людей; еще болѣе пострадали тѣ которые лѣвѣе насъ шли чрезъ деревню. Потеряно много, захвачены въ лѣнѣ майоръ Дреіеръ и четыре ротные командира: Атрешковъ, Улитинъ, Михѣевъ и Бобруйка. Предъ закатомъ солница дошли къ городу Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь смыкали насъ пѣхотные полки, а 7й Егерскій прошедши городъ расположился въ двухъ верстахъ по Кенигсбергской дорогѣ. Командиръ полка получилъ сегодня увольненіе отъ службы, бросилъ полкъ и мы его болѣе не видали. Эту ночь мы провели роскошно: хлѣба, водки, муки и гусинаго сала было въ волю, мы подкрѣпились и заснули на соломѣ при огняхъ локойно, до насъ только доходило эхо ночнаго боя въ Прейсишъ-Эйлау.

27го числа 7й Егерскій полкъ занялъ мѣсто при Прейсишъ-Эйлау на правомъ флангѣ боевой линіи. Впереди мы разсыпали цѣль и тотчасъ вступили въ бой; пошли къ городу, но Французы оттѣнили насъ. Мы получивъ подкрѣпленіе прогнали ихъ въ городъ, потомъ опять отступили, и такъ продолжался бой до десяти часовъ. Въ это время пошелъ густой снѣгъ и вдругъ лѣвѣе меня раздался крикъ. Французскія колонны подъ закрытиемъ снѣга хотѣли ударить на нашъ правый флангъ. Наши полки стоявшіе въ линіи бросились на штыки и истребили ихъ. Говорили что въ это же время непріятельскіе кирасиры проскочили въ нашей линіи, но уцѣлѣвшіе едва убрались обратно. Между тѣмъ людей у насъ уменьшилось много, несмотря на то что по

утру было болѣе 400 человѣкъ. При мнѣ осталось только два рядовыхъ и изъ тѣхъ одинъ уже былъ раненъ; я не видѣлъ ни офицеровъ, ни унтер-офицеровъ и потому рѣшился отступить съ этими двумя егерями. Позади себя я нашелъ лежащей непомятою какой егерскій полкъ и предупредилъ его о томъ что впереди никакого уже изъ нашихъ нѣтъ. Въ это время пуля задѣла моего здороваго егера.

Прошедши назадъ линіи я нашелъ одного раненаго майора изъ нашего полка, но болѣе никого. Но я надѣялся что изъ числа тѣхъ людей которые выводили раненыхъ должно быть сколько-нибудь на томъ мѣстѣ гдѣ мы почевали. Нашелъ действительно около тридцать человѣкъ, велѣлъ имъ пополнить патроны изъ патронныхъ ящиковъ, выпить по крѣпкѣ водки, и повелъ ихъ опять въ бой, приглашая съ собою и капитана рапортовавшагося больнымъ. Онъ согласился и мы пошли вмѣстѣ; но когда дошли подъ ядра, то у него заболѣлъ животъ; я простился съ нимъ и пошелъ съ егерями въ боевыя линіи. Здѣсь присоединился къ сражавшимся чужимъ полкамъ и былъ тутъ до самой ночи. Французы крѣпко налегали на насъ въ сумерки, но прусская кавалерія пришедшая справа заставила ихъ прекратить свои дѣйствія. Ночью началось общее отступленіе по дорогѣ къ Кенигсбергу. Я пошелъ вмѣстѣ съ прочими. На томъ мѣстѣ гдѣ мы почевали все было забрано и сарай зажженъ; при мнѣ было егерей пять человѣкъ.

Отошедши около пяти верстъ, я нашелъ большаго капитана и при немъ двухъ офицеровъ съ десятью человѣками рядовыхъ. Отъ нихъ узналъ я что нашему баталіонному командингу, подполковнику Дренякину, оторвало ядромъ правую руку еще по утру... возлѣ кирпичныхъ сараевъ позади насъ бывшихъ, а о прочихъ никакого свѣдѣнія не имѣлось. Къ свѣту собралось на походѣ офицеровъ пятнадцать и всѣ люди оставшіеся неранеными: ихъ было около двухсотъ человѣкъ. Во время сраженія 7й Егерскій былъ полкъ разорванъ французскими колоннами шедшими атаковать наши линіи и потому разсѣялся по всему протяженію боевой линіи.

Теперь у насъ никого изъ штабъ-офицеровъ не было и начальство по праву старшинства принялъ больной капитанъ. Мы остались какъ сироты безъ начальства.

Такъ мы пришли въ окрестности Кенигсберга. Здѣсь прибылъ къ намъ вновь назначенный шефъ генералъ-майоръ

Корфъ. Онъ былъ уже почтенныхъ лѣтъ и принялъ нась какъ добрый отецъ. Мы благодарили Бога что имѣемъ начальника.

Чрезъ нѣсколько дней составленъ былъ для него особенный отрядъ, съ порученіемъ напасть на французской кавалерийскій отрядъ, который придинулъся близко къ нашему расположению. Мы напали на него и разбили. Потомъ чрезъ два дня приказано слѣдовать отряду далѣе впередъ; мы прошли чрезъ городъ Ландебергъ, чрезъ который Французы отступали послѣ Прейсиш-Эйлаускаго сраженія, и здѣсь имѣлся огромный ихъ госпиталь съ ранеными и больными. Чрезъ нѣсколько дней мы прибыли ночью въ селеніе Петерсвальдъ.

Въ это время была оттепель, дороги сдѣлались грязны и люди весьма устали. Генералъ, желая ихъ успокоить, приказалъ развести по квартирамъ. Офицеры 7го Егерскаго полка всѣ помѣстились на одной квартирѣ напротивъ кирки. Хозяинъ нашъ сказалъ намъ что Французы есть въ лѣсу недалеко. Лѣсъ отъ деревни былъ не далѣе какъ три четверти версты по дорогѣ къ селу Альтъ-Кирхенъ. Я совѣтовалъ старшему капитану яко полковому командиру доложить о томъ генералу и спросить не прикажетъ ли онъ поставить караулы на выѣздахъ. Онъ доложилъ и генералъ изъявилъ на это согласіе. Каравулы наряжены были: на выѣздѣ по дорогѣ ведущей къ лѣсу отъ 25го Егерскаго полка изъ восьмидесяти человѣкъ, а на прочіе выѣзды отъ другихъ полковъ по двадцати пяти человѣкъ. Выставивъ караулы всѣ уснули покойно.

Къ четыремъ часамъ утра я проснулся и спросилъ у старшаго капитана. спитъ ли онъ? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ и просилъ меня чтобы я пошелъ перемѣнить караулъ нашего полка. Я разбудилъ адютанта, приказалъ нарядить людей, сѣлъ на лошадь и повелъ людей на пикетъ, развелъ самъ на часы въ цѣль, внушилъ каждому осторожность и разказалъ какъ распознавать непріятеля. Мѣра эта необходима была, потому что въ полку весьма мало было старыхъ солдатъ, а все рекрутъ; потомъ возвратился опять къ квартирѣ. Въ это время раздался выстрѣлъ впереди села, потомъ другой; я соскочилъ съ лошади, вѣжталъ въ квартиру, разбудилъ офицеровъ и бросился къ домамъ гдѣ расположена

была моя рота. Пули уже сновали по деревнѣ; люди, встревоженные неожиданно, выбѣгали не одѣтые, схвативъ ружья. Я сталъ противу своей квартиры и всѣхъ бѣгущихъ собиралъ къ себѣ, и видя проходящій спокойно мимо меня караулъ стоявшій на дорогѣ къ лѣсу отъ 25го Егерскаго полка, просилъ офицера чтобы онъ остановился тутъ, представляя что всѣ люди будутъ собираться къ намъ. Но онъ, не внима ми, прошелъ мимо; вслѣдъ за нимъ шла въ близкомъ разстояніи кучка людей и я полагалъ что это отдѣльный пикетъ, потому что за темнотой ночи нельзя было распознать; я не заботился о нихъ и устраивалъ своихъ людей. Вдругъ блеснули въ кучкѣ огни и поразили людей моихъ пули; нѣсколько человѣкъ упало на мѣстѣ, а прочіе разбѣжались, я также побѣжалъ за ними и увидѣлъ между строеній разѣзжавшаго команѣра 25го полка, говорившаго солдатамъ: „спасайтесь, ребята“.

Начало уже разсвѣтать когда мы выбрались за деревню; люди всѣхъ полковъ были смѣшаны вмѣстѣ, потомъ построились роты, но генерала нашего не было и никого изъ штабъ-офицеровъ другихъ полковъ. Полковой штабъ-лѣкарь нашего полка, почевавшій вмѣстѣ съ генераломъ, сказалъ что онъ взятъ въ пленъ; дѣлать уже было нечего, выручить невозможно. Между тѣмъ Французы вели на насъ атаку съ праваго фланга.

Я взялъ двѣ роты нашего полка и пошелъ противъ нихъ; они остановились и стали стрѣлять изъ орудій по моему фронту. Я тотчасъ приказалъ одной ротѣ разсыпаться, а другую поставилъ въ долину для закрытия отъ ударовъ. Между тѣмъ показалась отъ деревни Цехернъ наша кавалерія, и Французы отступили въ лѣсъ, а мы заняли опять деревню.

Съ кавалеріей прибылъ Павелъ Петровичъ графъ Фондеръ-Паленъ, и полковникъ, говорившій солдатамъ: „спасайтесь, ребята“, обвиняя предъ нимъ несчастный 7й Егерскій полкъ за потерю своего шефа, съ которымъ онъ почевалъ вмѣстѣ, тогда какъ мы даже и не знали гдѣ шефъ остановился. Кромѣ старшаго капитана, четыре изъ насъ капитана рѣшились идти къ графу Палену чтобы оправдаться, и въ то время когда злодѣй нашъ черниль нашъ полкъ, я сказалъ ему: „не вы ли, господинъ полковникъ, кричали

солдатамъ: спасайтесь, ребята." За это прогнали насъ вонъ и обѣщались представить государю.

На другой день отрядъ нашъ потянулся къ Лаунау. Мы шли всю ночь безостановочно и непріятель не беспокоилъ насъ; одніи казаки только имѣли перестрѣлку.

На слѣдующій день съ самаго утра слышна была впереди насъ лѣщечная пальба. При закатѣ солнца, приблизившись къ лѣсу близъ Лаунау, увидѣли что дорога наша занята непріятелемъ; но при наступленіи нашемъ онъ принужденъ былъ отступить. Онъ расположился при селеніи Цехернѣ и Петерсвальдѣ, а мы ночевали въ лѣсу, на мѣстѣ сраженія.

На другой день поутру рано Французы ворвались было въ лѣсъ, но мы ихъ вытѣшили. Но они, получивъ подкрѣпленіе, ворвались въ лѣсъ, оттѣшили насъ на прежнее мѣсто, и цѣлый день происходила перестрѣлка, а на полѣ пушечная пальба. Къ вечеру мы опять выгнали ихъ изъ лѣса и расположились ночевать на прежнемъ мѣстѣ. Я легъ, возлѣ солдатъ на снѣгу и проспалъ крѣлко до самаго утра, не замѣтивъ и того что со мною рядомъ покоился убитый Французъ; но мнѣ странно показалось что ни одного не было офицера тутъ изъ моихъ товарищъ. Потомъ они собрались, и началось опять сраженіе. Я расположился на правомъ флангѣ нашей боевой линіи, тамъ гдѣ Французы хотѣли ворваться въ лѣсъ отъ селенія Петерсвальда, и всякий разъ отбивалъ ихъ. Когда подходили ихъ стрѣлки, я высыпалъ своихъ на поле противъ нихъ, когда же замѣчалъ что они очищаются мѣсто для своей артиллериіи, которая мнѣ была видна, то приказывалъ людямъ ставть за деревьями, и такъ закрывалъ ихъ отъ ядеръ и картечі; ко мнѣ собралось солдатъ изъ разныхъ полковъ до 250 чено вѣкъ, но офицеровъ не было. Я раздѣлилъ команду эту унтер-офицерамъ, и они со мною были весь день. Сколько солдатъ любятъ того офицера который раздѣляетъ вмѣстѣ съ ними опасность и бережетъ ихъ, столько и ненавидятъ того который въ такомъ случаѣ оставляетъ ихъ. Нѣкоторые, замѣтивъ своего офицера далеко назади, сказали: "мы пустимъ ему лулю". Но я сказалъ имъ: "оставьте его, винъ онъ со стыда боится подойти къ намъ."

Въ это время мы уже не имѣли ни хлѣба, ни сухарей;

одинъ мушкатель досталъ остальные два сухаря изъ-за щинцы и, подавая мнѣ, сказалъ: "извольте, ваше благородіе, скушать, вѣдь мы знаемъ что и у васъ есть нечего." "Ты же какъ останешься?" сказалъ я ему. "Ну, мы какъ-нибудь достанемъ. Вотъ подойдетъ къ намъ этотъ нехристъ, кого-нибудь свадимъ,—у нихъ сухари есть или хлѣбъ."

Между тѣмъ товарищи мои сказали что они ходили ночью въ Лаунау. Нашли тамъ полковаго адъютанта, лѣкаря аудитора, и что они накормили ихъ горохомъ. Къ вечеру, когда уже смерклось, прекратилось сраженіе и войска возвращались на прежнія мѣста. Я тотчасъ отправился въ Лаунау и отыскалъ штабныхъ чиновниковъ. Они сидѣли въ избѣ, въ которой не было ни оконъ, ни дверей. Въ каминѣ разведенъ огонь и на огнѣ котелокъ съ горохомъ, предъ дузыами стояла крышка артельная съ пуншемъ.

— Здравствуйте, господа, сказалъ я имъ.

— А! Здравствуйте, Я. О.; какъ Богъ милуетъ?

— По милости Его, живѣ и невредимъ... Ахъ, какъ хорошо у васъ.

— Просимъ садиться.

— Я усѣлся между ними и спросилъ:

— Что это у васъ въ котѣ?

— Горохъ.

— Ахъ, какъ хорошо у васъ. А это что въ крышѣ?

— Пуншъ.

— Какъ славно у васъ. А у насъ кромѣ ёлей, да снѣгу больше ничего нѣтъ; да еще куда ни сунешься все лежать скоченѣвшіе Французы, провалъ ихъ возьми. А скоро ли горохъ подспѣеть?

— Нѣтъ, еще только-что наставили.

— Не хочешь ли пуншу?

— Какъ не хотѣть, и съ размаху выпилъ стаканъ.

Право хорошо у васъ и тепло. Потомъ выпилъ другой, ожидавъ пригомъ французскою троегранкой огонекъ чтобы скроѣ кипѣлъ котелокъ и не спуская глазъ съ него; не знаю какъ закрылись у меня глаза, и я нечувствительно заснувъ крѣлко и проспалъ долго. Проснулся и тотъ къ котлу, но онъ уже былъ пустъ; товарищи мои имѣли крѣпкимъ сномъ. Видя что тутъ уже ожидать больше ничего, пошелъ скроѣ опять къ солдатамъ въ лѣсъ.

Вместе съ разсвѣтомъ я опять пошелъ на то мѣсто гдѣ вчера сражался. Войска наши растянулись вправо; Французы не подходили къ намъ, но начали разводить часовыя на полѣ; наши пустили къ нимъ два ядра и задѣлали четырехъ человѣкъ, но они намъ не отвѣчали. Мы заняли цѣпью опушку лѣса и такимъ образомъ 2го февраля расположились на просторныхъ квартирахъ въ лѣсу. Дровъ было въ волю, за водой тоже дѣло не стало, но хлѣба не было. Французы остались въ селеніи Цехернѣ и деревне Петерсальдѣ. Первое было на берегу Алле, на высокомъ мѣстѣ, которое господствовало на лужечный выстрѣль; во все стороны въ немъ устроены были непріятельскія батареи; съ нашей стороны построены были также батареи тоже на берегу Алле, впереди Лаунау, но послѣ ночныхъ нашихъ нападеній на селеніе Цехернѣ Французы оставили какъ это селеніе, такъ и Петерсальдѣ, которыя и были заняты нашими войсками. Туда посылаемы были полки полеремѣнно для содержания передовыхъ карауловъ.

Французы также имѣли въ лѣсу на дорогѣ большие караулы. Они выставили на этихъ караулахъ вмѣсто пушекъ отрубки изъ дерева и раскрасили ихъ. Въ одно время, когда я былъ въ передовомъ караулѣ съ мою ротой, прѣѣхалъ верхомъ государь императоръ и Прусскій король. Я имѣлъ показать гдѣ главный непріятельскій карауль и гдѣ ихъ часовые. Государь, увидѣвъ на мнѣ французскую саблю, спросилъ: „развѣ лучше сабля?“ „Надежнѣе шлаги, ваше величество“. Онъ приказалъ мнѣ подать саблю; я вынулъ изъ ноженъ и, взявъ за клинокъ, подалъ ему; онъ взялъ, посмотрѣлъ и опять мнѣ отдалъ, говоря: „тяжель эфесъ“. Дѣйствительно у нашихъ сабель былъ перевѣсъ при ударѣ къ мѣсту приосновенія и раны дѣлали жестокія, а у Французовъ перевѣсъ былъ въ эфесѣ. Французскій же эфесъ защищалъ ручную кисть, а у нашихъ сабель этого не было. Французы также заняли противоположный лѣсъ и селенія Петерсальдѣ и Цехернѣ. Между нами разстипалось поле, потомъ Французы оставили деревню и расположились въ лѣсомъ въ бивуакахъ при селѣ Альтъ-Кирхенъ, въ лѣсу разставили караулы, а мы заняли деревню и тамъ имѣли отдельные караулы, передовая полки въ нашемъ лѣсу.

Если густыя защищали насъ отъ вѣтра, на постелѣ, сквозь пушній былъ, но и тутъ явилась прихоть. Я первый по-

строилъ шалашикъ изъ сучьевъ и осыпалъ его снѣгомъ, внутри вокругъ огня изъ ельнику явились диваны мягкие; товарищи, подражая мнѣ, построили тоже и намъ хорошо было. Солдаты сдѣлали себѣ квадратныя загородки съ наѣсами внутри, и было бы очень хорошо, еслибы было достаточно хлѣба. Солдаты ложились спать около огня; съ одной стороны было горячо, а съ другой очень холодно и потому должно было ворочаться безпрестанно какъ жаркое на вертелѣ. Иногда искра попадала въ патронташъ и загорались патроны, но отъ этого бѣды не случалось; повернетъ только кругомъ егера, испугаетъ, и все тутъ. (Такъ какъ я первый выстроилъ у себя просторный шалашъ, то ко мнѣ собирались гостода офицеры играть въ карты, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Бистромъ, который въ послѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ генераломъ.) Но мнѣ и моя роты офицерамъ, стоявшимъ вмѣстѣ со мною, пожаръ причинилъ много вреда, сгорѣло нѣсколько бутылокъ рому и сыровъ. Французы думали что дѣлаемъ сигналъ къ наступленію, зажгли и у себя маякъ.

Оставшійся у насъ старшій капитанъ былъ неподвижный чурбанъ, не заботился о полкѣ, а только сидѣлъ въ шалашѣ. Мы потеряли терпѣніе, просили встрѣтившагося намъ генерала Пассека чтобы данъ былъ намъ штабъ-офицеръ для командованія полкомъ, и желаніе наше исполнилось. Намъ дали штабъ-офицера, но и тотъ также неподвиженъ былъ; мы опять возопили чтобы дали намъ подвижнаго начальника. Между тѣмъ въ исходѣ марта сталъ уже совершенный градъ, люди расплухли и умирали; кожи, бывшія на шалашахъ, сѣдѣнья и люди питались кореньями собираемыми въ лѣсу. Главнокомандующему дошло до свѣдѣнія что людѣдятъ вредные коренья, и отданъ былъ приказъ съ объявлениемъ вредныхъ и безвредныхъ кореньевъ.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова; прился къ намъ въ лагерь маркитантъ Нѣмецъ со съѣстными припасами; у меня находилось денегъ всего только 12, червонца, на эти червонцы я купилъ два сбитые хлѣбъ, одинъ далъ солдатамъ разговѣться, а другой раздѣлилъ съ офицерами моей роты, и такъ разговѣлись мы на сей свѣтлый праздникъ.

Наконецъ прибылъ къ намъ въ полкъ майоръ Ефимъ

Петровичъ Лалтевъ, человѣкъ дѣятельный, и мы стали получать провіантъ, хотя понемногу.

Въ маѣ мѣсяцѣ прибыль къ намъ шефъ, генераль-майоръ Б. Р., человѣкъ молодой, нѣжный, чувствительный поэтъ, онъ сочинялъ стихи и воспѣвалъ весну.

IV.

24го мая вся армія двинулась впередъ, авангардъ нашъ поднялся изъ своего лагеря, обошелъ Петервальдскій лѣсъ справа и атаковалъ французскій лагерь при селеніи 'Альтъ' Кирхенъ. Мы нашли въ непріятельскихъ, прекрасно устроенныхъ бивуакахъ, хлѣбъ и лрочіе жизненные припасы. На другой день 25го принудили Французовъ отступить за рѣку; при отступленіи своемъ, они сдѣлали много вреда нашему полку картечными выстрѣлами (мы падѣвали внезапно на мѣсто которое обстрѣливалось закрытою батареей). Задѣрѣльщики перешли было за рѣку, но приказано возвратиться назадъ и запрещено переходить за рѣку по остаткамъ сожженного моста.

Мы разсыпались по кустамъ и за толстыми деревьями по берегу и злились на Французовъ за то что они таскали муку изъ каменного дома, за рѣкой бывшаго; мы послѣдний имъ безпрестанно то свинецъ, то чугунъ, изъ своихъ двухфунтовыхъ пушекъ; но эти малютки грызли только известъ, но стѣнъ не пробивали, и картечь даже задѣвалась по своимъ. Французы съ противнаго берега платили намъ тѣмъ же.

Капитанъ Дренякинъ пошелъ сказать чтобы артиллерія перестала стрѣлять и тутъ встрѣтился съ нашимъ злодѣемъ, который грубо спросилъ: "котораго ты полка?" — "7м Егерскаго", отвѣчалъ Дренякинъ. Тотъ началъ говорить дерзко на счетъ нашего полка. Тогда Дренякинъ схватилъ моцною рукой негодяя, сказалъ: "пойдемъ со мною, я покажу тебѣ гдѣ этотъ полкъ." Тотъ, видя дерзость Дренякина, сказалъ: "я пошутилъ, братъ, дай табаку." Дренякинъ пустилъ его и пришедши сказалъ офицерамъ. Мы рѣшились бить его.

Перестрѣлка затихла; мы собравшись въ лощинѣ сидѣли возлѣ огонька. Въ недальнемъ отъ насъ разстояніи стояли

генералы и наши злодѣй съ ними; онъ подошелъ къ намъ закурить трубку и мы его окружили. Онъ хотѣлъ было идти, но мы не пѣстили. Онъ испугался и спросилъ: "Что?" — "Нѣдѣль вы хотите отъ меня господина?" — "Нѣдѣль" — "Мы 7го Егерскаго полка и рѣшились отплатить тебѣ за твою низость. Какъ ты смѣлъ марать нашъ полкъ?" — "Кто? я никогда, сказалъ онъ и всѣ офицеры" — "Помнишь ли Петервальдъ?" — "Я вѣрою сумашедшій былъ." — "Помнишь ли Петервальдъ?" — "Послѣ сего я сказалъ: "господи, не марайте руки объ сумашедшаго" и мы отпустили его; однакоже онъ не жаловался никому за нашу дерзость." — "Помнишь ли Петервальдъ?" — "Въ продолженіе сего дня какое-то неблаговоспитанное непріятельское ядро задѣло нашего поэта по затылку и оставило контузию; послѣ чего онъ уѣхалъ куда-то лѣчиться; а приѣхать остался майоръ Лалтевъ." — "Ночью слышна была вдалекѣ скротечная канонада: это было молодечество нашихъ казаковъ. Они пустились съ вечера на промыселъ, напали на непріятельскій лагерь, разбили прикрытие, забрали лошадей и потомъ зажгли лагерь съ артиллерийскими снарядами.

Предъ разсвѣтомъ 26го мы начали отступление, и непріятельскою частью нагналъ и завязалась перестрѣлка. Онь живо преслѣдовалъ настъ всѣми силами (ибо Наполеонъ покоривъ городъ Данцигъ прибылъ сюда съ бывшими тамъ войсками). При нашемъ отступленіи я замѣтилъ что Французы наступая кареями не имѣли артиллеріи въ срединѣ каре. 7му полку приказано было расположиться въ садахъ города Гутштадта для удержанія непріятеля; но въ скромъ времени приказано было спѣшить въ поле для выручки нашей артиллеріи на которую напала непріятельская кавалерія. Мы бросились, живо выручили артиллерію и потомъ сами стали отступать. Моя рота была разсыпана лѣвѣе дороги; непріятельская кавалерія отѣвила меня отъ прочихъ ротъ; люди сбѣжались въ кучку и я отступилъ отражая покушеніе наездниковъ. Но приблизившись къ городу Гутштадту увидѣлъ что на дорогѣ стоять уже непріятельской кавалерійскія колонны; я примкнулъ къ рѣкѣ Алле; сталь на толкомъ мѣстѣ и заставилъ оружейнымъ огнемъ колонны отодвинуться за возвышенность.

Сады были недалеко отъ меня и я полагалъ что уже

избавился отъ опасности, не зная того что мостъ уже истребленъ. Но къ несчастію моему на мѣсто кавалеріи явилась пѣхота непріятельская и пересѣкла путь къ садамъ; мнѣ не осталось другаго средства какъ броситься въ рѣку. Я взялся за сукъ и хотѣлъ было спуститься потихоньку въ рѣку; но берегъ обвалился, сукъ переломился и я спустился на дно рѣки. Она не широка, но глубока; я плавать не умѣлъ и сверхъ того былъ въ шинелѣ и въ рапѣ. Не ломню какимъ образомъ очутился у противоположнаго берега, ухватился за него, но за шинель мою уѣхали два егера моей роты и тащили въ рѣку. Я удвоилъ мои усилия, самъ вылезъ и ихъ вытащилъ. Нѣкоторые тутъ утонули. Французы сыпали на насъ пулями, но мы уже спаслись отъ плѣна, хотя ружья остались всѣ въ рѣкѣ.

Я спѣшилъ удалиться отъ мѣста гдѣ пули вредили, но еще надобно было переходить шлюзы, на которые направлена была артиллерія и непріятельская и наша. Наши считали насъ за непріятельскихъ солдатъ и посыпали ядра; брусья разбивались подъ нами и щели вверхъ летѣли, но мы подъ защитой Всевышняго прошли и это мѣсто безвредно и присоединились къ своимъ войскамъ, вступившимъ уже въ лѣсъ.

Непріятель не могъ насъ по этой дорогѣ преслѣдовывать быстро, потому что мостъ былъ испорченъ, но пошелъ со всѣми силами по лѣвому берегу рѣки Алле, на Цехернъ, и Лаунау и слѣдовалъ за соединенными нашими войсками. Мы прошли въ лѣсу болотистую дорогу и расположились у подножія укрѣплений, построенныхъ на правомъ берегу Алле.

Предъ закатомъ солнца всѣ наши войска пришли къ самымъ редутамъ, бывшимъ на лѣвомъ берегу рѣки Алле, и тутъ произошло упорное сраженіе. Французы пробовали атаковать редуты, но отбиты были съ урономъ. Въ глубокомъ сумракѣ еще виденъ былъ перебѣгающій батальонный огонь въ линіяхъ обѣихъ сторонъ и летали гранаты. Когда же прекратилось сраженіе, приказано отряду бывшему на правомъ берегу рѣки перейти на лѣвый и 7-й Егерскій полкъ расположился возлѣ большаго редута. Я легъ на пескѣ въ лощинѣ и послѣ купанья уснулъ крѣпко.

Прознувшись поутру, я увидѣлъ много непріятельскихъ

труповъ около редута, и былъ въ недоумѣніи, но товарищи мои сказали что эти Французы ночью приходили штурмовать этотъ редутъ, но ихъ отбили, хотя они уже было спустились въ ровъ. Я показалъ имъ мѣсто гдѣ я спалъ и не слыхалъ ничего; одно Пріовидѣніе сияло меня, я могъ бы быть заколотъ соннымъ или затолтанъ кавалеріей; это совершилось чудо надо мною.

27го солнце освѣтило кровавое поле битвы вчерашней; во многихъ мѣстахъ трупы валялись грудами, артиллерія наша изрѣдка посыпала вызывныя ядра къ бою. Но Французы не отвѣчали намъ. Конные наездники съ обѣихъ сторонъ доказывали молододечество на полѣ, но сраженіе не завязывалось, намъ только видно было что за кавалерійскими колоннами тянулись пѣхотныя непріятельскія колонны направо. Такъ мыостояли весь день безъ сраженія. Ночью оставили свою позицію и перешедши обратно Генсбергъ маршировали на городъ Бартенштейнъ. Французы насъ не преслѣдовали, но за рѣкою отзывалась артиллерія.

Поутру 28го прошли мимо Бартенштейна; въ немъ пылали сараи заласныхъ нашихъ магазиновъ; солдаты бросились въ нихъ и тамъ нашли нѣсколько изгнавшаго хлѣба. Есть пословица: прятать конды въ воду, а здѣсь провіантные комміssіонеры спрятали ихъ въ огнѣ. Мы шли послѣдно чрезъ Шипельбергъ и на разсвѣтѣ 29го прибыли къ городу Фридланду. Тутъ перешедши на лѣвой берегъ рѣки Алле, по вновь устроенному мосту, 7-й Егерскій полкъ расположился возлѣ рѣки подъ высокимъ берегомъ и всѣ уснули отъ усталости. Съ восходомъ солнца отозвалась канонада, непріятельскія ядра летали черезъ насъ и ложились въ рѣкѣ; изъ нашего полка назначено было нѣсколько ротъ впередъ къ бою, въ числѣ которыхъ и моя. Мы подошли къ лѣсу; насъ встрѣтили батальоннымъ огнемъ; мы бросились дружно на штыки, загнали Французовъ въ болото и захватили въ лѣсу 200 человѣкъ гвардейцевъ и одного полковника; но потомъ Французы, оправившись опрокинули насъ и вытѣснили изъ лѣса; мы также получили подкрѣпленіе, вышли было опять въ лѣсъ, но должны были уступить превосходству непріятеля въ силахъ, вышли изъ лѣса, разсыпали цѣль на чистомъ полѣ и остались тутъ. Кавалеристы наши изрѣдка разъѣзжали впереди насъ. Пополудни, какъ бы въ шестомъ часу, одинъ уланъ, разъѣзжая

впереди цели нашей, подавался ближе и ближе къ неприятелю, потомъ бросился прямо къ лѣсу, гдѣ были Французы, тамъ соскочилъ съ лошади и вошелъ въ лѣсъ съ нею.

Въ семь часовъ полудни Французы выставили артиллерию на оконечности лѣса, къ которому примыкалъ ихъ правый флангъ, открыли сильный огонь на лѣвой нашей флангъ, который упирался на рѣку Алле и тутъ имѣлъ вогнутый уголъ, потому что нѣсколько егерскихъ полковъ выставлены были впередъ по берегу рѣки, такъ что касались лѣса гдѣ были Французы. Все чѣто было на равнинѣ укрылось за высокій берегъ къ самой рѣкѣ Алле, бывшіе возвѣ лѣса примыкающаго къ рѣкѣ егерскихъ полковъ, видя рѣшительную атаку, опасаясь чтобы не пресѣчено было имъ соединеніе съ боевою линіей (чѣто весьма легко могло быть, потому что Французамъ легко было стать на пути сообщенія), бросились отступать послѣдно и все это стѣснилось на берегу. Я замѣтилъ по направлению артиллерийскихъ выстреловъ намѣреніе Французовъ, что въ скоромъ времени пойдутъ ихнія колонны для перерѣза пути отступающимъ егерскимъ полкамъ. Будучи уже оставленъ одинъ на полѣ, не пошелъ на берегъ, но рѣшился одинъ идти по равнинѣ къ своей линіи, уѣхѣть будучи совершенно что скорѣе могу здѣсь быть убитымъ, но взять меня въ пленъ на смертоносномъ этомъ пути никто не рѣшился. Предо мною стоялъ фронтомъ Измайловскій полкъ и сыпалъ батальнымъ огнемъ къ Французамъ, изъ баталіонныхъ интерваловъ стрѣляли картечью. Французы сыпали къ нимъ картечью, ядрами и гранатами; я шелъ среди картечей и пули вздымали пыль вокругъ меня, пролетали между ногъ. Въ Павловскомъ гренадерскомъ полку во фронтѣ ряды валились, но линія не колебалась и держалась на мѣстѣ, несмотря на то что въ ней были большие перерывы отъ убыли людей. Прошедшія линію, я принялъ къ берегу и увидѣлъ что полки егерскихъ весьма страдали шедши по берегу; французская пѣхота успѣла перейти на тотъ берегъ вмѣстѣ съ отступавшими и производила убийства безнаказно между стѣснившихся внизу егерей.

Позади гренадерского фронта разѣжалъ князь Багратионъ и ободрялъ солдатъ; генераль Сабанѣевъ сидѣлъ на камнѣ и предъ нимъ горѣлъ брантскугель.

Я замѣтилъ своихъ людей идущихъ съ людьми другихъ полковъ, остановилъ и тѣхъ и другихъ и примкнулъ къ

левому флангу гренадерскаго полка; между тѣмъ егерскіе полки проходили мимо къ мосту устроенному на рѣкѣ Алле.

Въ сумерки началось общее отступление и я получилъ сильную контузию въ правую ногу. Я упалъ было на землю, потомъ съ помощью ружья всталъ и пошелъ назадъ. Казакъ замѣтивъ меня предложилъ сѣсть верхомъ на прекрасную генеральскую лошадь, но въ то время когда я хотѣлъ садиться, ядро неприятельское отвалило карнизъ каменного дома, лошадь испугалась, вырвалась и ушла; въ это самое время я замѣтилъ что въ саду фурлайты развели огонь и варили себѣ преспокойно кашу, несмотря что ядра уже перелетали черезъ нихъ; эти люди каменные.

На мосту была ужасная давка отъ проносимыхъ раненыхъ и отступающихъ; солома уже была накладена для сожженія его; я кое-какъ перебрался и присоединился къ своему полку.

Мнѣ казалось что ежели бы поставлена была сильная артиллериа на правомъ берегу рѣки противъ лѣваго фланга гренадерскаго полка, то неприятель не могъ безъ великой потери отважиться на такое дерзкое предпріятіе; на этомъ мѣстѣ артиллериа наша могла бы быть безопасна, потому что рѣка ее отдѣляла.

Мы начали отступать и 29го числа въ сумерки прибыли въ городъ Вейлау, при которомъ рѣка Алле владаетъ въ Прегель. Всѣ войска перешли за Прегель, а мнѣ съ тремя ротами поручено остататься на ночь въ городѣ, потому что много людей раненыхъ и отставшихъ было. Я зажегъ мостъ на рѣкѣ Алле и засадилъ за домами стрѣлковъ. Неприятельские кавалеристы ночью лодошли къ мосту; но нимъ начали стрѣлять и они удалились, потерявъ двухъ убитыхъ.

Въ городѣ ночью случился грабежъ; въ лавкахъ, гдѣ продавались сѣѣстные припасы, разломали дверь и солдаты разныхъ полковъ набѣжали туда, хватали хлѣбъ и разные сѣѣстные припасы. Въ одной лавочкѣ былъ въ кадѣ медъ и въ углу также въ кадѣ стоялъ деготь; слухъ о найденномъ медѣ зашевелилъ сердца всѣхъ, всякий туда тѣснился съ тѣмъ что было у него въ рукахъ, съ манеркой, съ хлѣбомъ, и тѣ которыхъ судьба направила къ меду, захвативъ его сколько могли, старались выбраться изъ тѣсноты, поднявъ вверхъ манерку, разливали жидкую латоку на головы и на мундиры другихъ, а тѣ которые попали въ

кадку съ дегтемъ, принимая его также за медъ, топили туда манерки и обмакивали хлѣбъ, но узнавъ ошибку по вкусу бросали и разливали деготь между толпы.

Въ другомъ мѣстѣ отбитъ былъ магазинъ въ которомъ сложены были разныхъ цвѣтовъ чехлы для укладки суконныхъ штукъ. Тутъ шла работа не уступающая первой, солдаты брали эти чехлы прельщаясь цвѣтомъ, не развертывая и не рассматривая ихъ качества, выбрасывали что было въ ихъ ранцахъ и набивали этими чехлами. Въ подобныхъ случаяхъ опасно во тьмѣ почной при смѣщеніи разныхъ полковъ солдатъ полагаться на власть начальника имъ неизвѣстнаго. Поутру, 30го числа, я получилъ приказание оставить городъ и зажечь мостъ на Прегелѣ; войска отступили нѣсколько верстъ и сдѣлали привалъ. Въ это время можно было узнать всякаго солдата который былъ почью на грабежѣ, мундиры ихъ были явнымъ доказательствомъ, потому что на нихъ видны были медовыя и дегтевыя пятна. Мѣсто на которомъ расположились войска для привала вдругъ запестрѣло разноцвѣтами суконныхъ чехловъ; солдаты, разсмотрѣвъ качество ихъ, съ досадой выбрасывали воинъ изъ ранцевъ и жалѣли о тѣхъ вещахъ которыхъ выбрасывали изъ ранцевъ въ городъ. Въ послѣдствіи надѣлали солдаты себѣ разноцвѣтныхъ брюкъ.

Послѣ сего сдѣлалось уже отступленіе безо всякихъ сраженій до самаго города Тильзита. Тутъ, перешедши мостъ на Нѣманѣ (устроенный на сваяхъ), зажгли его.

Перешедши Нѣманъ мы построили батареи на берегу рѣки. Войска расположились по ближайшимъ деревнямъ, и поочередно приходили на берегъ Нѣмана для прикрытия батарей. Французы заняли Тильзитъ и также выставили орудія по берегу. Мы, находясь на берегу для прикрытия своихъ батарей, злились на Франузовъ прогуливающихся на набережной съ хорошеевскими горожанками. Чрезъ нѣсколько дней начались переговоры о мирѣ.

Для первого свиданія императоровъ построена была посерединѣ рѣки Нѣмана на плоту палатка. Императоръ Александръ прѣѣхалъ на берегъ съ Прусскимъ королемъ, и въ одно время съ обѣихъ сторонъ отвалили паромы. Съ праваго берега императоръ Александръ съ Прусскимъ королемъ, а съ лѣваго Наполеонъ, вмѣстѣ причалили съ обѣихъ сторонъ къ плоту и встрѣтились въ палаткѣ. Что тамъ

происходило, не извѣстно. Чрезъ полтора часа вышли обратно и разѣхались. На другой день государь Александръ расположился въ городѣ Тильзитѣ, гдѣ находился и Наполеонъ со своими войсками. Пріѣзжавшіе къ намъ французскіе офицеры для свиданія съ родственниками говорили что начертываемыя теперь границы карандашомъ будутъ еще стираться. Поэтому заключить было можно что Наполеонъ заключая миръ не оставлялъ плана войны противъ Россіи.

Французы просили показать имъ нашихъ кулидоновъ, такъ называли они Башкировъ-казаковъ, потому что они имѣли за плечами луки и колчаны набитые стрѣлами. Они интересовались видѣть этихъ людей еще болѣе потому что они нѣсколько французскихъ офицеровъ кавалеристовъ лоймали арканами и взяли въ пленъ.

По заключеніи мира войска наши отступили отъ границы расположились лагеремъ при мѣстечкѣ Шкловѣ. За всю Прусскую войну я получилъ анненскую шлагу, за храбрость и отличие при отбитіи нашей артиллериі во время отступленія при городѣ Гутштадтѣ.

Полки имѣли большой недостатокъ въ людяхъ и были въ большомъ разстройствѣ, но государю угодно было видѣть войска свои въ такомъ видѣ какъ они были. За два дня предъ высочайшимъ смотромъ приведена была на укомплектованіе полковъ милиція, не обмундированная и не бритая; мужики не хотѣли со своими бородами разстаться; ротные командиры уговаривали ихъ, они согласились, но только чтобы лробить немножко. Они тщательно подбирали клочки заѣтной бороды, цѣловали ихъ со слезами и прятали.

Наканунѣ смотра доставлены штыкѣ мундиры, они притягивали кое-какъ на людей, и поутру мы вышли къ смотру. Войска построились на лопѣ за Могилевскимъ выѣздомъ; съ ружьями были только старые солдаты, а милиційскіе не имѣли и прошли мимо государя ловзводно, милиційскіе не въ ногу и не въ тактъ. И потомъ расположены были полки на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Шклова. Во время приготовленія къ высочайшему смотру прибылъ и шефъ нашъ въ Шкловѣ; но на смотрѣ выѣхалъ неисправно, пальцы выглядывали изъ салогъ, и лошадь на ногѣ съ ловзкой. Послѣ сего мы уже больше его не видали.

Во время квартированія въ окрестностяхъ мѣстечка Шклова по деревнямъ мы познакомились съ тамошними помѣщи-

ками и ъезжали къ нимъ для препровождения времени. Однажды, подгулявши у сосѣдяго ломѣщика съ тремя ротными командинами, пріопоздали тамъ до поздней ночи; я пригласилъ товарищевъ моихъ къ себѣ на квартиру ночевать и всѣ сѣли на лошадей верхами и поѣхали. Дорожка пролегала между кустарниковъ, а потомъ, не доѣзжая моей деревни, по чистому люлю. Здѣсь мы, желая испытать быстроту нашихъ лошадей, пустились во весь опоръ; лошади были добрыя и рвались со всѣхъ силъ одна предъ другой; я налетѣлъ прямо на яму, изъ которой брата глина; лошадь моя вдругъ бросилась направо, я слетѣлъ съ нея и ударился о противоположный берегъ лѣвымъ бокомъ такъ сильно что эфесъ со шлаги прочь отлетѣлъ. Товарищи мои по темнотѣ ночи не замѣтили сего и поскакали прямо на мою квартиру; тутъ увидѣли они что лошадь моя прибѣжала, а меня нѣть, послѣшили отыскывать и нашли въ ямѣ безъ чувствъ, принесли на квартиру. Я пролежалъ въ постелѣ недѣли полторы и потомъ поправился, но всегда ощущалъ въ томъ мѣстѣ гдѣ былъ ударъ непріятную боль.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ войска выступали въ походъ на кантоны-квартиры въ Киевскую губернию.

Вышедши изъ Шклова должны были проходить мимо дома отца поручика Микоши, который служилъ въ нашемъ полку. Отецъ его получилъ обѣщаніе отъ полковаго командинца Лаптева быть у него въ домѣ со всѣми ротными командинами, но полкъ не доходя того мѣста расположился на ночлегъ. Ночью явились къ ротнымъ командинамъ подводы съ запиской отъ Лаптева чтобы съ получениемъ прибыть къ нему въ домъ Микоши. Я прибылъ часу во второмъ полуполночи, но хозяинъ еще не спалъ, онъ принялъ меня и хотѣлъ задушить луншинъ, но я отказался.

Въ домѣ видно было много начатаго, но ничего не докончено: печки сложены до половины и такъ оставлены, возлѣ нихъ лежали инструменты и засохшая глина, начато расписывать стѣны и такъ оставлено; на примосткахъ стояли засохшія краски съ кистями, подъ примостками было ложе господина. На второмъ этажѣ въ передней сидѣли сапожники и вся прислуга имѣла видъ болѣзнейный, оборваные слуги бродили какъ угорѣлые. Онъ сказывалъ что не любитъ баловать дворню, встаетъ самъ всегда рано и взявъ заряженный пистолетъ идетъ гдѣ люди спятъ, за нимъ слуга

несеть ведро съ водой; гдѣ тѣмъ котораго найдеть спящимъ онъ стрѣляетъ изъ пистолета, а слуга обливаетъ водой.

Утро начали мы пьянственнымъ завтракомъ и за обѣдъ сѣли въ полльяна. Когда гости усѣлись, то огромная лягавая сокаба вскочила на столъ и начала отнимать кушанья; хозяину это было очень смѣшно. Мы замѣтили что хозяинъ дома сумашедшій и хотѣли было тотчасъ послѣ обѣда уйти изъ двора хоть лѣшкомъ, но мужики поставлены были вездѣ на караулѣ и упрашивали насъ чтобы мы не уходили, потому что они будутъ биты. Мы сжалились надъ несчастными, остались ночевать и на другой день едва отпустилъ насъ, наложивъ до полулульяна. На другомъ переходѣ видѣли его жену, которая такъ толста, что не могла встать съ постели, будучи совсѣмъ здорова и весела.

Въ городѣ Козельцѣ также я видѣлъ пустыри тамъ гдѣ были прекрасные господскіе дома, а прежнюю мою хозяйку старушку и Елену нашелъ въ новомъ домѣ построенному на другомъ мѣстѣ. Старушка сѣльла, а Елена состарѣлась.

Вторая хозяйка моя также состарѣлась и хозяинъ покрыть былъ сѣднами. Они обрадовались мнѣ, но прежняя веселость уже не существовала, они обѣдили и постояльцевъ у нихъ не было. Обѣ Олимпиадѣ сказали, что она вышла замужъ и кончила жизнь.

Съ разрѣшенія полковаго командинца мнѣ позволено было по выступлениіи полка изъ Шклова въ походъ отправиться впередъ съ меньшимъ братомъ моимъ Андреемъ для посѣщенія родителей. Дорогой заболѣлъ братъ и я привезъ его въ домъ больнаго.

Мы застали родителей и всѣхъ братьевъ и сестеръ въ благополучномъ состояніи, общая радость способствовала выздоровленію моего брата Андрея. Мы пробыли въ домѣ недѣли полторы и присоединились къ полку въ городѣ Козельцѣ.

Пришедши въ Киевскую губернию, расположились на кантоны-квартиры, 7й Егерскій полкъ въ городѣ Черкасахъ, въ Чигринѣ и окрестныхъ деревняхъ. При проходѣ чрезъ Киевъ полки осматривалъ генераль-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ.

(Продолженіе следуетъ).